

УДК 32.015.5

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ КАК ОДИН ИЗ КАТАЛИЗАТОРОВ СМЕНЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В РОССИИ**

Арсен Карэнович Акопянц,

кандидат политических наук

доцент кафедры политологии и социологии

Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Москва

Алина Петровна Годя,

студентка 3-го курса кафедры политологии и социологии

Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Москва

Екатерина Владиславовна Муллина,

студентка 3-го курса кафедры политологии и социологии

Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

г. Москва, e-mail: aresman@mail.ru

Аннотация. *В данной статье авторы рассматривают проблематику перехода России к демократическому пути развития, а также изменения в процессах становления новых элит, происходившие с начала 1990-х годов по настоящее время на основе «стендфордской модели кризиса развития» и концепций итальянского социолога В. Парето*

Ключевые слова: *демократический транзит, политические и экономические элиты, трансформация элит, «стендфордская модель кризиса развития», В. Парето*

**POLITICAL TRANSIT AS ONE OF CATALYSTS OF CHANGE OF
POLITICAL ELITE IN RUSSIA**

A. Akopyants

Phd in Political science,

docent of cathedra of political and social sciences,

Plekhanov Russian University of Economics

Alina Godya,

Students of the 3rd years of cathedra of political and social sciences,

Plekhanov Russian University of Economics

Ekaterina Mullina

Students of the 3rd years of cathedra of political and social sciences,

Plekhanov Russian University of Economics

Moscow, e-mail: aresman@mail.ru

Annotation. *In this article authors analyze problems of Russian transit to democratic system, and connected changes in elite formation from 1990 s up to modern times by using «Stanford model of crisis of development» and concepts of Italian social scientist V. Pareto*

Key words: *Democratic transit, political and economic elite, the transformation of the elites, «Stanford model of crisis of development», V. Pareto*

На современном этапе существования глобального пространства, все чаще можно столкнуться с понятием демократического транзита. Зачастую он представляется процессом переноса политических практик одной страны на государственно-политические системы других стран и оказывает влияние на социальные и политические группы, провоцируя приобретение ими новых ролей и функций. Среди подобных групп особое место занимают политические элиты. Процесс трансформации элит в условиях демократического транзита имеет свои отличительные черты в рамках политической жизни каждого государства. Целью данного исследования является анализ проблематики политической трансформации в России на рубеже XX и XXI вв., при использовании «стенфордской модели кризиса развития», а также исследование особенностей циркуляции элит в современной России при учете теорий итальянского социолога В. Парето. Авторами использовались методы анализа и синтеза концептуальных моделей в исследовании политических элит их влияния на социально-политические процессы.

Во второй половине XX в. ведущими политологами Стэнфордского университета: Г. Алмондом, Р. Мундтом и С. Флэнаганом была разработана модель «кризиса развития», которая стала одной из базовых концепций, объясняющих переходные процессы в политической и социальной жизни государств [8]. Стенфордская четырехфазная модель позволяет аналитику оценить динамику того или иного политического явления, и на выходе выявить все составляющие процесса политической трансформации, возможные экзогенные (внешние) и эндогенные (внутренние) факторы, способные привести как к кризису, так и к изменению существующего порядка.

Г. Алмонд рассматривает четыре теоретические концепции, ставшие основой теории «стенфордской модели»: 1) структурный-функционализм; 2) теорию рационального выбора; 3) модель лидерства; 4) модель социальной мобилизации.

Структурный функционализм стал научной базой создания «модели кризиса развития». Концепция социальной мобилизации предполагает то, что сама эта мобилизация вызывается политическими факторами, которые

навязывают развитие политическому сообществу и «мобилизуют» его. Общественные трансформации, в данном случае, объясняются действиями модернизирующих элит. С точки зрения теории рационального выбора, анализ трансформаций проходит в рамках моделирования некой игры, в которой в зависимости от того, как ведут себя играющие, появляются разные варианты дальнейшего поведения и результатов. Теория лидерства предполагает, что лидеры предлагают некие альтернативы, которые соревнуются между собой, а затем происходит отбор этих альтернатив. Предшествующая политическая система через серию переходных состояний соединяется с последующей политической системой. Всего получается пять фаз: исходная, три переходные и завершающая. На первую переходную оказывают влияние, как эндогенные (внутренние), так и экзогенные (внешние) факторы. На второй фазе, включающей влияние зависимых переменных, формируются коалиции и лидеры. Третья переходная фаза характеризуется «связными инновациями» [7, с. 136-138].

Полагаем, что модель Г. Алмонда более чем применима к первой фазе трансформации политических элит России в период с 1989 до 1993 года, когда с принятием новой российской конституции стало возможным говорить об определенных связных инновациях в политическом процессе нашей страны. Следуя данной логике, полагаем целесообразным осуществить синтез модели Г. Алмонда с теорией И. В. Куколева. Российский ученый выделил четыре модели, раскрывающие сущность трансформации элитных групп в России: модель смены потоков, политического капитализма, бунта экономических элит - пробуждения региональных элит и модель контрэлиты. Эти модели достаточно органично вписываются в анализ влияния зависимых переменных через экзогенные и эндогенные факторы, сформировавшие, в итоге, коалиционные системы и их лидеров в период резкой постсоветской трансформации.

Первая модель смены потоков, акцентирует внимание на геронтологической трактовке: от «брежневской» элиты к «горбачевской», от «горбачевской» к «ельцинской». Причем, данная модель предполагает, как возраст возникающих элит, и их недовольство «отсутствием мест», так и результативную коалицию «элитной молодежи» и контрэлиты конца 80-х гг.

Вторая модель «политического капитализма» акцентирует внимание на иных требованиях в системе и объясняется трансформацией политического капитала в экономический. В результате освобождения партийной номенклатурой механизмов приватизации госсобственности, класс правящих политиков в СССР превратился в класс собственников в России.

Третья модель «бунта экономических и региональных элит» дополняет, как нам представляется, вторую модель «политического капитализма». Здесь «перестройка» – это бунт хозяйственных, экономических элит, которые потребовали смены политических позиций и раскрепощения своей деятельности, вступив в конфронтацию с партийной номенклатурой. Партийная элита раскололась и ее часть (в том числе региональная партийная элита) примкнула к хозяйственной.

Четвертая модель «контрэлиты» по Куколеву, предполагает, что, когда политические рамки оказались узкими, хозяйственная элита в борьбе против «партократов» в качестве своего политического союзника использовала контрэлиту (культурную и научно-техническую интеллигенцию, маргинальные слои). Впрочем, значительная часть «контрэлиты» была в результате вынесена на обочину политической жизни [8, с. 83 - 84]. Нам представляется, что в совокупности с экзогенными (внешними) факторами, третья фаза «связных инноваций» была одним из выходов из политического и экономического кризиса конца 1980-х начала 1990-х.

Объяснения процессов трансформации от советской к российской элите абсолютно адекватны и к «стэнфордской модели» Скотта Флэнагана, которая несколько отличается от модели Г. Алмонда, и включает в анализ такое понятие, как «агенты мобилизации требований». Это субъекты, а чаще всего институты, организации, группы интересов, которых затрагивают внутренние и внешние факторы системы и которые начинают на них реагировать, выдвигая требования.

На первой фазе происходит «синхронизации системы» по Флэнагану, причем система эта остается «предшествующей». В результате поляризации требований.

На второй фазе, наступает «десинхронизация системы и ускорение кризиса».

На третьей фазе происходит прорыв, успешный или предпринятый. Кризис может затянуться, поскольку различные коалиции предлагают различные решения. Один за другим следуют неудачные прорывы, которые формируются структурными, распределительными и средовыми связками. Третья фаза может закончиться только в результате минимально удовлетворительного выбора. Таким образом, путем проб и ошибок, столкновений мобилизационных планов, и лидерских потенциалов формируется предварительный, но «победный вариант».

Четвертая фаза ресинхронизации заканчивается, когда происходят структурные изменения, перераспределения ресурсов и установление связей со средой [7, с. 140-142].

Предпримем краткую попытку анализа трансформации уже постсоветской политической системы России с середины 1990-х до сегодняшнего времени с применением «стандфордской модели кризиса» и с упором на процессы формирования новой политической элиты. Демократический транзит, произведенный в период «перестройки» привел к значительным изменениям в состоянии элит того периода. В результате перехода от командно-административной к рыночной экономике в России произошли изменения в моделях элитообразования: служебно-номенклатурный принцип был заменен принципом элитного плюрализма. Ключевым моментом в данном процессе стало сопротивление системы, еще обладающей старыми паттернами и установками, которая сопротивлялась новым моделям создания элитной прослойки. В этой связи следует говорить о эпизодичных и частичных изменениях, сопровождающихся воспроизведением образцов поведения политической элиты, характерных для советской номенклатуры.

В процессе слома социально-политических подсистем советского общества некоторые структуры оказались наиболее устойчивыми. Среди них: бюрократия, этнические сообщества, прежние силовые структуры и корпорации. Какой бы срез современных элит мы ни взяли (высший, региональный, местный) - в любом из них сохранились представители данных структур. Система до конца не ресинхронизирована. Современная политическая элита представляет из себя то, что С. Флэнаган назвал бы предварительным, но «победным вариантом», который, полагаем, сформировался из борьбы коалиций, в лице «силовиков», олигархов и транснационалистов «прозападной ориентации» в 1990-х и 2010-х годах.

Современная политическая элита существенно изменила формат генезиса, модели рекрутирования, социально-профессиональный состав и политическую ментальность. Она достаточно неоднородна, что обусловлено ценностными ориентациями, которые являются основой деления ее на либеральную, неоконсервативную и социалистически-региональную. Она стремится к открытости и высокой степени циркуляции. Вхождение в ее состав осуществляется на основе меньшего числа формальных критериев и большего учета личных качеств человека. Произошло возникновение и выделение в отдельную группу экономической элиты, что обусловлено переходом общества к экономике рыночного типа. Необходимо учитывать, что российская экономическая система, наряду с политической, прошла системную деформацию и стремится к построению конкурентного социального государства [2, с. 73]. Также в связи с процессами демократизации прекратилось монопольное господство. Продолжает формироваться

контрэлиты, включающая представителей научной и творческой интеллигенции, руководителей общественных движений.

Очевидно, что общественный компромисс, достигнутый сегодня в России – есть результат переформатирования системы в процессе трансформации. Стоит отметить тот факт, что на сегодняшний день наблюдается определенное постоянство в отношении народа к правящей элите нашего государства. Согласно опросам, приводящимся каждую неделю на интернет портале «ФОМ», которые включают такие вопросы как «А за кого бы вы проголосовали на президентских выборах в ближайшее воскресенье?»; «Доверяете ли вы главе государства и как изменилось их отношение к нему за последний месяц?»; «Оцените работу президента», отношение к главе государства продолжает сохранять большой процент одобрения, несмотря на небольшое снижение (октябрь 2015 - 73% ,17 апреля 2016 - 68%) [4]. Изначальный подъем, вызванный присоединением Крыма, сейчас ступенькается обвалом рубля и падением цен на нефть. Произошло и некоторое изменение отношения к идеологии «Крым-наш», в большей степени из-за перемен в экономическом положении, и морального давления, оказываемого санкциями.

Есть и тревожные моменты. Среди элитных слоев присутствует и прослойка «антиэлиты». Если обратиться к теории циркуляции элит Вильфредо Парето, то стоит обратить внимание на выделение им не правящих потенциальных элит, наделённых характерными для элиты качествами, но не обладающих властью. Он обращал внимание на возможное постепенное вырождение правящей элиты при ее неэффективном управлении [5, с. 140]. Не случайно, смена общественно-политических формаций происходит в периоды возрастающей, восходящей мобильности одного класса в социальную структуру другого [1, с. 45]. Именно в этот момент происходит активизация контрэлиты, которая претендует на власть. А чтобы завоевать эту власть ей нужна поддержка масс. В связи с этим, сейчас стоит уделить особое внимание состоянию элит в российском обществе, проанализировать качественный состав контрэлиты, возможные угрозы и кризисы. Если обратиться к Парето, то в обществе должна быть постоянная циркуляция элит, основанная на поступлении новых кадров, а не поочередная замкнутая смена одной элиты другую.

В связи с вышесказанным, следует обратить внимание на характер внутриэлитных отношений и на наличие результативной элиты, руководствующейся демократическими принципами, сочетающей устойчивую связь с населением с высокой степенью групповой интеграции, способную понимать политических оппонентов и принимать компромиссные решения. Отсутствие такой элиты, приводит к негативным последствиям для

цивилизованного общества. Процесс формирования новой демократической элиты в стране еще не достиг своего заключительного этапа. Нам представляется, что следует сформировать актуальную повестку дня, основанную на конкретной национальной идее. Важно акцентировать внимание на деятельности всех политических факторов в межвыборный период, когда необходимо удовлетворять основные интересы социальных групп. Иначе чрезмерные административные усилия чиновников, находящихся у власти в предвыборный период, приведут к справедливому возмущению общества на митингах протеста [6, с.100]. Несмотря на все противоречия, существующие в современном обществе, касательно вопроса политической элиты, а именно правящей элиты, контрэлиты и простых граждан, важно учитывать интересы каждого актора политической системы, иначе это может послужить причиной дестабилизации существующего политического порядка.

На основе проведенного исследования, считаем целесообразным сделать некоторые выводы.

Во-первых, основываясь на «стенфордской модели кризиса развития», мы делаем вывод о незаконченности процесса трансформации элит в России на сегодняшний день. Тем не менее, очевидно система достигла формально третьей стадии перехода к связным инновациям и минимально удовлетворительному уровню.

Во-вторых, действующая политическая система в России – стабильна, и поддерживается большинством граждан.

Во-третьих, для успешного перехода к четвертой фазе «стенфордской модели» необходимо обратить внимание на концептуальные взгляды классика социологии В. Парето и осуществлять эффективный процесс циркуляции элит, который позволит системе избежать нежелательных потрясений.

Литература:

1. Акопянц А.К. Социальные группы в контексте политических процессов // Вестник института стратегических исследований ПГЛУ. - Ставрополь. - 2016. – С. 45-49.

2. Евсеев В.О. Модель конкурентного социального государства // Современная экономика: концепции и модели инновационного развития. - Материалы VII Международной научно-практической конференции. – Из-во: РЭУ им. Г.В. Плеханова. – 2015. – С. 73-80.

3. Евсеев В.О. Конкурентоспособность в новой общественно-экономической формации.- Saarbrücken: Palmarium academic publishing, 2016 г.

4. В. Путин: рейтинг, отношение, оценки работы. Индикаторы отношения к главе государства // [электронный ресурс] – URL: <http://fom.ru/politika/10946> (дата обращения: 11.05.2016).

5. Мохов В. П. Циркуляция элит как социальный процесс // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота. - 2012. - № 10 (24): в 2-х ч. Ч. II. - С. 139-142.

6. Кошкин А. П., Мельков С. А., Казаков А. В. Процесс формирования власти в современной России. Регулярно ли обновляется власть в российском обществе? // Монография. – Saarbrücken. – Lap Lambert. – 2012. – 148 с.

7. Окунев И. Ю. Стэнфордская модель кризиса развития // Полис. Политические исследования. - 2009. - № 3. – С. 136-144.

8. Куколев И. В. Трансформация политических элит в России // Общественные науки и современность. – 1997. - №4 – С. 82-91.

9. Gabriel A. Almond, Scott C. Flanagan, Robert J. Mundt. Crisis, Choice, and Change. Historical Studies of Political Development // (Ed. By G. Almond). Boston: Little, Brown, and Company. - 1973. – 717 с.

Literatura:

1. Akopyants A. K. Social groups in the context of political processes // Herald of the Institute for Strategic Studies PSLU. - Stavropol. - 2016. - P. 45 – 49.

2. Evseev V. O. Competitive model of a social state // Modern economy: concepts and innovative development model. - Proceedings of the VII International scientific-practical conference. – Plekhanov Russian university of economics. - 2015. - P. 73 – 80.

3. Vladimir Putin: rate, ratio of performance. Indicators related to the head of state. - <http://fom.ru/politika/10946>

4. Mokhov V. P. Circulation of elites as a social process // Historical, philosophical, political and juridical sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. - Tambov: Diploma. - 2012. - № 10 (24): in 2 hours Part II. - P. 139-142.

5. Koshkin A. P., Melikov S.A., Kazakov A.V. Process of forming a government in modern Russia. Regularly updated if the power in Russian society? // Monograph. - Saarbrücken. - Lap Lambert. - 2012. - 148 P.

6. Okunev I. Y. Stanford model of crisis // Polis. Political studies. - 2009. - № 3. - P. 136 – 144.

7. Kukolev I. V. Transformation of the political elites in Russia // Social studies and the present. - 1997. - №4 - P. 82 – 91.

8. Gabriel A. Almond, Scott C. Flanagan, Robert J. Mundt. Crisis, Choice, and Change. Historical Studies of Political Development // (Ed. By G. Almond). Boston: Little, Brown and Company. - 1973. - 717 P.